

ФЛОТОВОДЦЫ

СПИРИДОВ

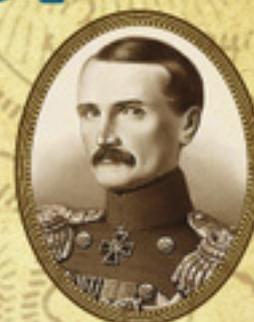
УШАКОВ

СЕНЯВИН

НАХИМОВ

КОРНИЛОВ

Великие полководцы России

**Флотоводцы. Григорий
Спиридов, Федор Ушаков,
Дмитрий Сенявин, Павел
Нахимов, Владимир Корнилов**

«ИД Комсомольская правда»

2014

ББК 63-8

Флотоводцы. Григорий Спиридов, Федор Ушаков, Дмитрий Сенявин, Павел Нахимов, Владимир Корнилов / «ИД Комсомольская правда», 2014 — (Великие полководцы России)

ISBN 978-5-87107-873-0

Период XVIII - XIX веков был временем расцвета российского военного искусства. Молодая империя утвердилась в Европе как обладательница могучих армии и флота. Это было время, когда молодой Андреевский флаг развивался над просторами Балтийского, Черного, Средиземного морей и Атлантического океана. Имена русских адмиралов были известны во всех европейских странах. 8-я книга «Флотоводцы» посвящена выдающимся представителям российского флота. Вы сможете узнать интересные страницы биографий адмиралов Спиридова, Ушакова, Сенявина, Нахимова, Корнилова; вспомнить славные эпизоды отечественной военно-морской истории, а также узнать много нового о повседневной жизни русских моряков XVIII-XIX столетий.

ББК 63-8

ISBN 978-5-87107-873-0

, 2014

© ИД Комсомольская правда, 2014

Содержание

Спиридов Григорий Андреевич	6
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Флотоводцы. Григорий Спиридов, Федор Ушаков, Дмитрий Сенявин, Павел Нахимов, Владимир Корнилов

Редактор *кандидат исторических наук Н. А. Копылов*

Редактор-составитель *доктор исторических наук М. Ю. Мягков*

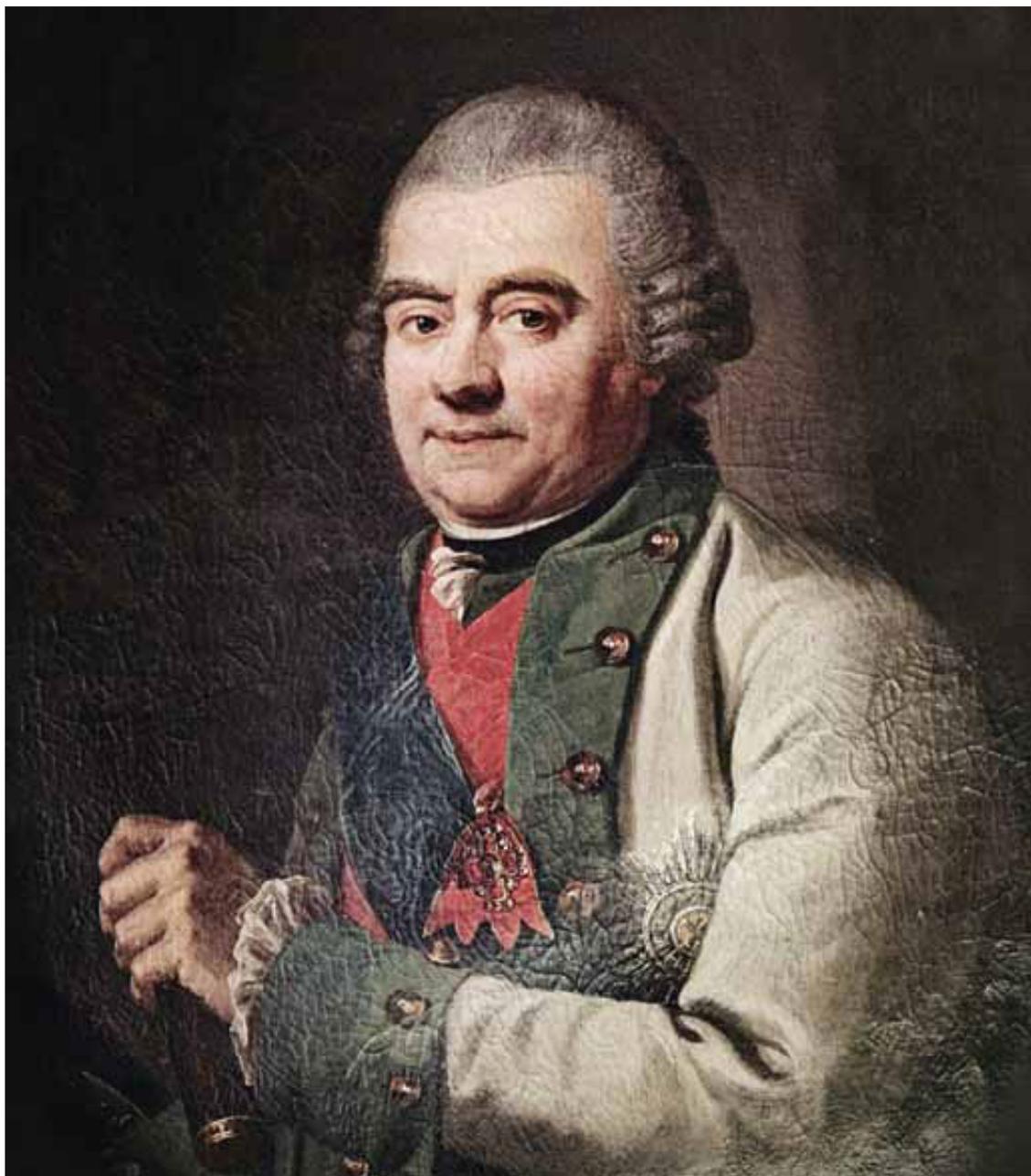

**КОМСОМЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

© ИД «Комсомольская правда», 2014 год.

© ИД «Российское военно-историческое общество», 2014 год.

Спиридов Григорий Андреевич

18 января 1713 – 8 апреля 1790

Будущий флотоводец родился в 1713 г. семье дворянина Андрея Алексеевича Спиридова (1680–1745), служившего во времена Петра I комендантом в Выборге. С раннего детства Григорий оказался связан с морем. Уже в 10 лет он был записан вольноопределяющимся на корабль и пять лет подряд выходил в море в качестве волонтера. В 1728 г., сдав экзамены на знание морских наук, он был произведен в гардемарины и вступил на действительную военную службу. Молодой морской офицер был направлен на Каспийское море, в Астрахань, где несколько лет, командуя гекботами (трехмачтовыми грузовыми судами) «Св. Екатерина» и «Шах-Дагай», совершал рейсы до берегов Персии. Здесь он участвовал в работах А. И.

Нагаева, в будущем известного гидрографа и адмирала, а пока – лейтенанта, производившего описание Каспийского моря.

Сражения и победы

Выдающийся российский флотоводец, полный адмирал (1769 г.).

Долгая военно-морская карьера вела адмирала в Средиземное море – к его главной битве при Чесме. Тогда в течение одной ночи турки потеряли в Чесменской бухте 63 корабля – линейные, каравеллы, галеры, галиоты. Потери турок составили более 10 000 человек. Потери русской объединенной эскадры составили 11 человек: 8 – на линейном корабле «Европа», 3 – на линейном корабле «Не тронь меня».

В 1732 г. Спиридов был переведен в Кронштадт, откуда совершал ежегодные плавания по Балтике. Его усердие к службе не осталось без награды – он досрочно получил чин мичмана. В феврале 1737 г. последовало новое назначение – в Донскую флотилию, где он становится адъютантом «ранга капитанского» ее командира, вице-адмирала П. П. Бредаля. Эта должность позволила Спиридову приобрести первоначальный боевой опыт – флотилия участвовала в борьбе за Азов в ходе русско-турецкой войны 1735–1741 гг.

В 1741 г. Г. А. Спиридов получает назначение в Архангельский порт, и жизнь его на три с лишним десятилетия оказывается связана с северными морями. Дважды ему довелось совершить трудный переход из Архангельска в Кронштадт на только что построенных кораблях (в 1742–1743 и 1752 гг.); после перевода на Балтику он ежегодно совершал плавания из Кронштадта по Балтийскому морю и по Неве. Служба шла успешно – сравнительно молодой моряк неоднократно получал ответственные поручения. Так, в 1747 г. он командовал фрегатом «Россия», на котором отправился в Киль принц Голштинский Август; в 1749 г. его откомандировали присутствовать в московской адмиралтейской конторе; в 1750 г. он командовал придворными яхтами.

В 1754 г. Спиридов, уже капитан 3 ранга, был послан в Казань для организации доставки корабельного леса в петербургское Адмиралтейство. Несмотря на то, что он не испытывал особого желания принимать на себя это ответственное поручение, выполнил он его вполне успешно, и по возвращении из Казани, в 1755 г., стал членом комиссии по рассмотрению регламента для флота, а в следующем году был назначен ротным командиром в Морской корпус.

Е. В. Пасхина. Адмирал флота Григорий Спиридов. 2005 г. или позднее. Рельеф, бронза. Аллея полководцев, Ярославль.

Ежегодные плавания обогатили опыт Спиридова как морского офицера, но его (и всего Балтийского флота) боевой опыт был мал. Лишь в 1760–1761 гг. Г. А. Спиридову впервые довелось участвовать в масштабной военной операции – борьбе за померанскую крепость Кольберг в ходе Семилетней войны. Эта мощная крепость была окружена рвом и болотами, среди которых располагались отдельные выдвинутые верки, на возвышенности, господствующей над местностью, находилась цитадель. Для русской армии овладение Кольбергом имело большое значение, так как она приобрела бы тем самым стратегически выгодный плацдарм в Померании и возможность снабжения армии морским путем, более дешевым и быстрым, чем сухопутная дорога через Польшу.

Первая попытка взять Кольберг была предпринята еще в 1758 г., но окончилась неудачей. И вот в 1760 г. осада повторилась. Спиридов участвовал в ней, командуя кораблем «Св. Дмитрий Ростовский»; в походе его сопровождали малолетние сыновья, 8 и 10 лет от роду. Эта попытка тоже окончилась неудачей – несмотря на значительные силы, стянутые к крепости, между сухопутными и морскими силами отсутствовало взаимодействие, к тому же слухи о подходе на помощь осажденным 6-тысячного прусского корпуса генерала Вернера произвели смятение в стане осаждающих, и русская армия поспешно отошла от города.

Наконец, в конце лета 1761 г. действия против «досадной нам крепостцы» возобновились, причем теперь против нее действовал 15-тысячный корпус П. А. Румянцева. В помощь ему к Кольбергу прибыл соединенный русско-шведский флот в составе 24 линейных кораблей, 12 фрегатов и бомбардирских кораблей, большого количества транспортных судов под командованием вице-адмирала А. И. Полянского, доставивший 7-тысячное подкрепление.

Уже сама численность войск показывает, сколь большое значение придавалось овладению Кольбергом. Спиридов в этой кампании командовал кораблем «Св. Андрей Первозванный». Блокада крепости со стороны моря продолжалась с 14 августа по 26 сентября. Бомбардирские корабли, на которых находился командующий Кронштадтской эскадрой С. И. Мордвинов, были поставлены против неприятельских батарей. В помощь осадному корпусу был высажен двухтысячный десант, начальство над которым было поручено «г-ну флота капитану Григорию Спиридову». Этот отряд сначала участвовал в выгрузке провианта, а затем был направлен в бой, причем командир его вновь проявил себя с самой лучшей стороны. Мордвинов писал императрице, что он «неоднократно о храбрых поступках флота капитана Спиридова слышал, в чем и данный ему Спиридову от гр. Румянцева аттестат засвидетельствует». Однако увидеть итог операции – падение Кольберга – ни Мордвинову, ни Спиридову не довелось: недостаток в провианте и в дровах заставил флот в середине октября возвратиться в Кронштадт.

Портрет Г. А. Спиридова на марке Почты СССР. 1987 г.

*Секретный указ от 20 марта 1769 г. гласил:
Мы поручили нашему вице-адмиралу Спиридову некоторую
экспедицию, чего ради адм. – коллегия имеет чинить ему по его
требованию всевозможные вспоможения.*

В 1762 г. Спиридов, произведенный в контр-адмиралы, командовал эскадрой, отправленной в крейсерство к берегам Померании. Эскадра стала на рейде в Кольберге, откуда по два корабля поочередно отправлялись в плавание. Служба шла спокойно, ни захватывать чужие транспорты, ни охранять свои необходимости не было – военные действия уже прекратились. В августе 1762 г. эскадра в составе 7 кораблей вернулась в Ревель, вошла в гавань и там разоружилась.

И вновь спокойное и стабильное продвижение по службе. 4 мая 1764 г. Спиридов был произведен в вице-адмиралы, командовал Кронштадтской эскадрой. Затем, с июля того же года, заменил заболевшего адмирала Полянского в качестве командира Ревельского флота, а в октябре, после смерти Полянского, стал главным командиром Ревельского порта. В этой должности он оставался год – в декабре 1765 г. он был переведен главным командиром порта в Кронштадт. В 1768 г. он присутствовал при опытах по новой системе оснастки и парусов, разработанной С. К. Грейгом на основе английской системы, и должен был дать по ней официальное заключение. Мнение Спиридова отличалось взвешенностью: новая система, облегчая оснастку, действительно увеличивала ход судна; но она была применима далеко не

на всех кораблях. Поэтому капитанам кораблей было предложено самостоятельно решать вопрос, вводить ли на своем корабле новшество или оставить все по старинке.

Такова была морская карьера Г. А. Спиридова к моменту начала русско-турецкой войны 1768–1774 гг., которая стала его звездным часом. Когда в Петербурге по проекту А. Г. Орлова был составлен смелый и широкий план комбинированных действий на суше и на море у турецких берегов, имевших целью поднять против турок население Балканского полуострова и Архипелага, командовать эскадрой было поручено Спиридову.

Цели похода держались в тайне, подвыпившие матросы на берегу говорили о походе на Азов. 4 июня 1769 г. Спиридов был произведен в адмиралы и официально назначен командующим над снаряженным для похода флотом.

Как оценивать это назначение? Французский дипломат и политический писатель К. Рюльер характеризовал Спиридова как человека прямого, простого и мужественного, нрава грубого, но легкого. По его мнению, своим возвышением Спиридов обязан братьям Орловым, которых знал, когда сам он был морской унтер-офицер, а они были сержантами. Он возвысился вместе с ними, хотя был совершенно лишен опыта и таланта, и оставался командующим флотом только по имени, оставляя труды англичанину Грейгу, а славу – графу Орлову. Малоспособным человеком именовал Спиридова и другой француз, историк конца XVIII в. Ж.-А. Кастера. К сожалению, с ними частично соглашается и отечественный историк Вл. Плугин, характеризуя Григория Андреевича как «почтенного, но вполне заурядного служаку».

Несомненно, все эти характеристики имеют истоком враждебное отношение правительства Франции к Средиземноморской экспедиции русского флота и ее руководителям. Конечно, Спиридов не мог быть обязанным своей карьерой Орловым, хотя бы потому, что в год рождения старшего из них, Ивана (1733), ему было уже 20 лет и 10 из них он нес морскую службу. Это не исключает, разумеется, того, что он был с Орловыми знаком, и они могли содействовать его продвижению на более поздних этапах карьеры. Но и до Орловых было кому замолвить за него слово – Бредаль, Мордвинов, Полянский... Все это достаточно заметные фигуры в русском флоте того времени, и все они ценили усердие и таланты Григория Андреевича. Что касается опыта, которого якобы был лишен Спиридов, то здесь следует сделать оговорку – и принципиально важную. На своем многотрудном пути к адмиральскому званию он служил на всех морях, где Россия имела хоть какие-то морские формирования. Он прошел весь путь морского служения, начиная с самых нижних чинов; к моменту Чесмы его служба длилась почти полвека. Он выполнял ответственные поручения Адмиралтейства. Можно ли говорить об отсутствии опыта у такого человека? Недостаток опыта, который ему приписывают, был не его личным недостатком, а недостатком всего русского флота, который прежде никогда не совершал дальних морских походов. Но винить в этом самого Спиридова или кого-либо еще – бессмысленно и несправедливо. Покровительствовали ему Орловы или нет, но на тот момент Спиридов, несомненно, был наиболее достойной фигурой для руководства походом к берегам Турции.

Граф А. Г. Орлов.

Задача, поставленная перед эскадрой, была трудная – флот не был приспособлен к такому долгому походу, многие суда подтекали. Для предотвращения течи подводную часть кораблей срочно стали обшивать дюймовыми досками с прокладками из овечьей шерсти; работа шла ускоренными темпами – императрица торопила с выступлением в поход. Наконец, 18 июня государыня лично осмотрела готовые в путь суда, и в ту же ночь эскадра снялась с якоря. Всего в плавание вышли 7 линейных кораблей (84 – и 66-пушечных), 36-пушечный фрегат и 7 мелких судов. Сам Спиридов держал флаг на «Евстафии». Рескрипт императрицы предписывал ему «привезти сухопутные войска с парком артиллерии и другими военными снарядами для содействия графу Орлову, образовать целый корпус из христиан к учинению Турции диверсии в чувствительнейшем месте; содействовать восставшим против Турции грекам и славянам, а также способствовать пресечению провоза в Турцию контрабанды». Таким образом, полномочия Спиридова были велики – он мог самостоятельно выдавать каперские свидетельства, мог издавать манифесты к «варварским республикам для отвлечения их от турецкого повиновения»; на чрезвычайные расходы ему выдали 480 тыс. рублей.

Плавание было трудным. Еще в Балтийском море эскадру сильно трепали штормы – «наступили столь сильные и мрачные погоды с большой стужею, что редко когда половину эскадры видеть было можно». Приходилось делать долгие остановки для сбора отставших и ремонта пострадавших от бурь судов. Еще хуже было то, что команды были непривычны к таким долгим плаваниям – от перемены воздуха, влажности, холода, качки, плохого питания матросов косили болезни. К 25 сентября на эскадре было уже свыше 600 больных, более сотни человек умерло; 83 человека умерли во время долгой стоянки в английском порту Халл. В этих условиях Спиридов принял единственно правильное решение – разрешил капитанам кораблей продолжать дальнейший путь «по способности», назначив точку randevу в Гибралтаре (позже он перенес место сбора в Порт-Магон на острове Минорка). Сам он

10 октября отплыл из Халла с четырьмя кораблями и 18 ноября наконец добрался до Порт-Магона на своем «Евстафий»; остальные корабли отстали во время плавания.

Наступили месяцы ожидания. К концу декабря подтянулись еще 3 линейных корабля и 4 мелких судна; последние корабли подошли лишь в мае 1770 г. Они были в плачевном состоянии – «редко кто не требовал, от претерпевания жестоких бурь и валов, нужного исправления». Сам Спиридов, чье здоровье никогда не отличалось крепостью, почти в каждом письме жаловался на слабость и болезни. Он в это время пережил личную трагедию – умер его младший сын, зачисленный (как и его брат) в Архипелагскую экспедицию «ради практики в дальних вояжах».

Задержка флота у Порт-Магона сыграла роковую роль в реализации далеко идущих планов А. Г. Орлова – она позволила туркам усилить свои гарнизоны, снабдить их запасами продовольствия и принять другие меры к тому, чтобы помешать успеху освободительного восстания на Балканах. И все-таки в феврале – марте 1770 г. эскадра смогла перейти к активным действиям, сперва сухопутным, а затем и морским. По мнению Спиридова, надлежало прежде всего укрепиться на побережье, а уж затем поднимать всеобщее восстание. Поэтому 24 марта 1770 года он отправил отряд судов (два линейных корабля – «Иануарий» и «Три Святителя» и зафрахтованный Орловым венецианский 20-пушечный фрегат «Св. Николай») под общим командованием бригадира артиллерии Ивана Абрамовича Ганнибала (двоюродного деда А. С. Пушкина) к Наварину. 10 апреля 1770 г. крепость Наварин пала. Русские моряки завладели одной из самых удобных баз на Пелопоннесе – в ее гавани мог бросить якоря флот любого размера, узкий вход в нее был защищен укреплениями с обеих сторон.

Однако успех этот не получил дальнейшего развития. В результате просчетов при планировании сухопутных операций турки смогли разбить десантные отряды, отеснить их к Наварину и начать осаду крепости с суши. В то же время стало известно, что большая турецкая эскадра готовится атаковать русских с моря. В этих условиях Наваринская гавань могла стать для флота ловушкой, и Спиридов с четырьмя линейными кораблями был направлен на соединение со второй русской эскадрой, которую привел адмирал Д. Эльфинстон. Однако здесь в дело вступил человеческий фактор: Эльфинстон, не желая подчиняться Спиридову, высадил десант, который по суше направился к Наварину, а сам, узнав, что вражеский флот находится в бухте Наполи-ди-Романья, направился туда. Это была губительная самоуверенность: он имел всего лишь три линейных корабля, один фрегат и три транспорта. Турецкая эскадра, которую он увидел 16 мая 1770 года, насчитывала свыше двадцати вымпелов, из них 10 линейных кораблей и 6 фрегатов. Тем не менее русская эскадра двинулась вперед и вступила в бой с передовыми кораблями турок. Не выдержав артиллерийского огня, турки отступили под защиту орудий крепости Наполи-ди-Романья. Эльфинстона спасла случайность: турки почему-то не решились сразу атаковать русский флот – может быть, они сочли его за авангард всех русских сил. Как бы то ни было, Эльфинстон осознал невозможность сражения с турецким флотом, находящимся под защитой береговых батарей, отошел на безопасное расстояние и двинулся на соединение со Спиридовым.

Бой в Хиосском проливе. Художник И. К. Айвазовский. 1848 г.

22 мая эскадры Эльфинстона и Спиридова, который попутно принял к себе на борт десант, высаженный Эльфинстоном, благополучно соединились, и между адмиралами состоялось выяснение отношений. Эльфинстон, несмотря на то, что по чину был младше Спиридова, заявил, что считает себя равным ему. Не придя к согласию, адмиралы тем не менее перешли к совместным действиям, стараясь навязать туркам бой. Однако все попытки были тщетны. Тем временем 11 июня, к ним присоединился А. Г. Орлов, который, обнаружив «командиров между собою в великой ссоре, а подкомандных в унынии и неудовольствии», поднял на «Трех Иерархах» кайзер-флаг, означавший, что все приказания, идущие с этого корабля, отдаются именем императрицы.

В конечном счете в районе острова Милос собралась вся русская эскадра – корабли, которые подтянулись из разных мест и были готовы к морской баталии. Узнав, что турки группируют свои силы за островом Паросом, эскадра двинулась туда – но противника там уже не было. Замысел турок состоял в том, чтобы заманить русский флот в лабиринты Архипелага с его множеством островов, тем временем стянуть все свои силы – и нанести решительный удар. Правда, капудан-паша Ибрагим Хасан-эд-дин был известен своей нерешительностью, но его помощник, алжирец Гассан-паша, фактический руководитель турецкого флота, опытный моряк и храбрый флотоводец, обещал султану уничтожить русский флот, подведя свои суда вплотную к русским кораблям и взорвав свои крьюйт-каморы, что пове-

дет к гибели как турецких, так и русских кораблей вместе с людьми. Тогда большинство турецкого флота, численно значительно превосходящего русский, останется целым и победит. Если даже военнопленные, со слов которых это было известно, что-то преувеличивали, план этот очень напоминал то, что в дальнейшем осуществил русский флот при Чесме.

23 июня объединенная русская эскадра после разведки, выяснившей местонахождение турецких судов, подошла к проливу между островом Хиос и входом в Чесменскую бухту на побережье Малой Азии. Здесь команды кораблей получили возможность увидеть почти весь турецкий флот: шестнадцать линейных кораблей (один 100-пушечный, один 96-пушечный, четыре 74-пушечных, восемь 60-пушечных, две 50-пушечные каравеллы), шесть 40-пушечных фрегатов, до шестидесяти бригантин, шебек, полугалер и других судов. На их борту находилось 15 тысяч человек и 1430 орудий. Русская эскадра уступала врагам по численности почти вдвое, насчитывая всего девять линейных кораблей, три фрегата, три пинка, один пакетбот (второй разбился у берегов Мореи), тринадцать зафрахтованных и призовых судов, на которых было 6500 человек и 608 орудий. О своих впечатлениях от этого зрелища главнокомандующий Алексей Орлов писал императрице: «Увидя такое сооружение, я ужаснулся и был в неведении, – что мне предпринимать должно?»

В ночь на 24 июня на «Трех Иерархах» собрался совет, в котором участвовали Алексей и Федор Орловы, Г. А. Спиридов, Д. Эльфинстон, С. К. Грейг и генерал Ю. В. Долгоруков. На совете был разработан план атаки турецкого флота: кильватерной колонной спуститься на противника почти параллельно его боевой линии и атаковать с короткой дистанции (50–70 м). План этот был смелым и новаторским, он ломал привычные каноны линейной тактики, и именно в этом была его сильная сторона. Итак, в соответствии с диспозицией утром 24 июня русская эскадра двинулась на неприятеля.

Первая колонна (авангардия) находилась под командованием самого Г. А. Спиридова. Ее составляли флагманский линейный корабль «Евстафий» под командованием капитана 1 ранга А. И. Крузе, линейный корабль «Европа» (командир капитан 1 ранга Ф. А. Клокачев), и линейный корабль «Три Святителя», (командир капитан 1 ранга С. П. Хметевский).

На юте корабля гремела музыка: под вражеским огнем оркестр выполнял приказ адмирала:

Играть до последнего!

Вторая колонна (кордебаталия) шла под флагом главнокомандующего А. Г. Орлова. В нее входили линейный корабль «Три Иерарха» (командир капитан-бригадир С. К. Грейг), линейный корабль «Иануарий» (командир капитан 1 ранга И. А. Борисов), линейный корабль «Ростислав» (командир капитан 1 ранга В. М. Лупандин).

Наконец, третьей колонной (арьергардией) командовал Д. Эльфинстон, под началом которого были линейный корабль «Не тронь меня» (командир капитан 1 ранга П. Ф. Бешенцов), линейный корабль «Святослав» (командир капитан 1 ранга В. В. Роксбург) и линейный корабль «Саратов» (командир капитан 2 ранга А. Г. Поливанов). Остальные суда под общим командованием бригадира И. А. Ганнибала должны были прикрывать фланги атакующих колонн.

Нужно отдать должное противнику: турецкий флот за ночь хорошо подготовился к бою. По наблюдению С. К. Грейга, «турецкая линия баталии была превосходно устроена, расстояние между кораблями было не более длины двух кораблей». Флот турок был построен в две линии: 10 линейных кораблей в одной линии, 7 линейных кораблей, 2 каравеллы и 2 фрегата – в другой, при этом расставлены они были в шахматном порядке, так, чтобы суда второй линии занимали промежутки между судами первой и могли вместе с ними вести огонь всем бортом. Таким образом, русские корабли попадали под одновременный огонь примерно 700 орудий.

При сближении с врагом Спиридов применил своего рода «психическую атаку»: суда шли на противника в полном молчании, не открывая огонь. Это молчание при постоянном возрастании напряжения (а сближение длилось 4 часа, с 8 до 12 часов!) должно было само по себе привести турок в замешательство и недоумение. Расчет адмирала полностью оправдался: у турок сдали нервы, и они открыли огонь по русской эскадре, как только та приблизилась на расстояние выстрела. Русские корабли ответили на это молчанием: приказ был не открывать огня ранее сближения с турками на пистолетный выстрел. Только после выхода на эту дистанцию корабли открыли ответный огонь.

Первой приблизилась к врагу «Европа». Развернувшись бортом, она дала залп и медленно двинулась вдоль всей турецкой линии. Однако неожиданно ее капитан повернул на правый галс и вышел из линии. Спиридов, увидевший это и не знавший о причине такого маневра, яростно крикнул со своего мостика: «Господин Клокачев! Поздравляю вас матросом!» Однако Клокачев виноват не был: лоцман-грек предупредил его о камнях, которые лежали у него прямо по курсу. «Евстафий» занял место «Европы». «Евстафий» стал головным в авангарде, и на него немедленно обрушился огонь с трех неприятельских кораблей. Г. А. Спиридов в парадной форме, при всех орденах и с обнаженной шпагой, расхаживал на шканцах и хладнокровно руководил боем, подбадривая матросов.

Сосредоточенный огонь неприятеля перебил на «Евстафии» снасти и лишил его способности самостоятельно передвигаться. Корабль стал дрейфовать в сторону турецкого флота – его сносило прямо на флагманский турецкий корабль «Реал-Мустафа». При этом он ни на минуту не прекращал огня, направленного на вражеский флагман. Когда «Евстафий» уперся в него бушпритом, русские и турецкие матросы схватились в ожесточенном рукопашном бою. Одному из матросов «Евстафия» удалось пробиться к кормовому турецкому флагу. Он попытался сорвать его – но правая рука была тотчас же перебита; он повторил попытку левой рукой – то же самое. Тогда он вцепился во вражеский флаг зубами – и сорвал-таки его! Изодранный флаг был доставлен Спиридову.

В час дня огонь единорогов «Евстафия» вызвал пожар под шканцами «Реал-Мустафы». Гассан-паша, чтобы избежать плена, на шлюпке, поджидавшей у противоположного борта, ретировался на 100-пушечный корабль «Капудан-паша», а пожар на «Реал-Мустафе» продолжал разгораться, угрожая теперь и «Евстафию». В этих условиях Спиридов как старший флагман, руководивший боем, в соответствии с требованием Морского устава принял решение покинуть судно и перенести свой флаг на «Три Святителя».

Едва шлюпка успела отвезти Спиридова и Федора Орлова, как рухнула охваченная огнем грот-мачта «Реал-Мустафы», и горящие обломки ее попали в открытую кюйт-камеру «Евстафия». Раздался взрыв огромной силы, а через некоторое время – второй: «Реал-Мустафа» разделил участь «Евстафия». Из всего экипажа «Евстафия» спаслись лишь его командир, капитан 1 ранга Круз, израненный и обожженный, но удержавшийся на воде за обломок мачты, 9 офицеров и 51 матрос.

Чесменское сражение. Художник И. К. Айвазовский.

Взрыв «Реал-Мустафы» вызвал панику в рядах турецкого флота. Корабли стремились отойти подальше от страшного места, чтобы не загореться, и в беспорядке отходили в Чесменскую бухту. При этом паника была явно несоразмерна реальной ситуации – был потерян только один корабль, Гассан-паша спасся с взорвавшегося корабля и нашел пристанище на «Капудан-паше», откуда вполне мог руководить боем. Но и у команды этого корабля настроение было отнюдь не боевое: примерно за час до взрыва «Реал-Мустафы» он попал под ураганный огонь с «Трех Иерархов», причем из-за неудачного маневра при снятии с якоря минут пятнадцать стоял под опустошительными продольными выстрелами с русского корабля. Сумятицу на турецких кораблях усиливало то, что многие из них в бегстве сталкивались друг с другом. Примерно в половине второго Гассан-паша вывел из боя последние корабли и увел их в Чесменскую бухту.

Уничтожение турецкого флота в Чесменской бухте. Художник Я. Ф. Хаккерт.

Итак, в результате боя, длившегося примерно два часа, турецкая эскадра была полностью деморализована. Однако численное превосходство по-прежнему оставалось на ее стороне. Кроме того, из-за безветрия буксируемые гребными галерами неприятельские суда легко ушли от русской эскадры, не имевшей гребных галер. У противника оставалось также преимущество в скорости хода. Однако русские корабли надежно перекрыли выход из бухты, а бомбардирский корабль «Гром» уже в 17.00 начал обстрел турецкой эскадры из мортир и гаубиц. Бомбардировка, в которой участвовали линейные корабли «Святослав» и «Три Иерарха» и пакетбот «Почтальон» продолжалась и весь день 25 июня, еще больше усиливая деморализацию турок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.